

Любовью — за любовь

О поэте Александре Гаврилове

Всего четыре книжки стихов вышло у Александра Гаврилова при жизни. Вроде бы небольшой поэтический багаж, но читаешь его стихи — и открываешь поэта божьей милостью. “Отчаянная любовь к жизни и ко всему трудному в ней, все повышающаяся требовательность к себе, готовность безраздельно отдавать каждую строку людям — вот качества, присущие творчеству Александра Гаврилова”. Эти слова принадлежат Льву Ошанину. Известный русский поэт зорко увидел в молодом, занозистом студенте Литературного института самобытный талант, помог ему плодотворно и быстро раскрыться.

А начиналась поэтическая дорога Александра Гаврилова в Ростове Великом, в литературной группе при районной газете. В деревне Максимовицы под Ростовом он родился, учился в ростовской школе, закончил Ярославский химико-механический техникум, поступил в Литературный институт им. А.М.Горького. Так получилось, что в моей судьбе повторились и эта же литературная группа, и тот же техникум, в общежитии которого мы с Сашей познакомились, и Литературный институт. Наконец, я был редактором его последней вышедшей в Ярославле книги “Мой светлый край”. Сообщаю все это не для того, чтобы похвастаться особой близостью к Саше, а в доказательство, что очень хорошо зналого. Илюбил...

Удивительно светлый след оставил Саша в памяти людей. Помню, как в студенческом общежитии он читал стихи — при его-то росте, озорничая, забирался на стул, напрягал и без того сильный голос, размахивал длинными руками. Но мы слушали Сашу всерьез. Уже тогда в его стихах была та глубина, которая отличает настоящую поэзию от любительской, мелкотемной.

Помню, с какой любовью и гордостью вспоминали о нем в литературной группе при газете “Путь к коммунизму”, как беспомощно теплели глаза нашего руководителя Дмитрия Серафимовича Храброва. Не забыть, как в Литературном институте в улыбках расплывались насупленные лица самых грозных преподавателей, когда Саша опять появлялся в садике возле памятника Герцену. Навечно осталось в памяти, как Саша приезжал в Ярославль, заходил в Верхне-Волжское книжное издательство и с порога сыпал шутками. Лично для меня рабочий день в таких случаях был потерян безвозвратно и без сожаления.

Некоторые завистливые люди считали, что Саша был очень везучий — чуть ли не в восемнадцать лет первая книга стихов “Предчувствие любви”, потом сразу вторая — “Бегущий свет” — и тут же прием в Союз писателей СССР, где одно время он был самым молодым членом писательской организации. Да, Саше везло на людей, которые относились к нему с любовью и

верой в его талант. Тут нельзя не вспомнить ярославских писателей В.Московкина, И.Смирнова и А.Грачева. И Саша трогательно, сгрубоватой застенчивостью любил этих людей.

Но было в судьбе Саши и другое, когда почти на каждом стихотворении его новой рукописи один не в меру бдительный рецензент оставил размахистые оценки-приговоры: “антипартийно”, “антинародно”, “антисоветчина”. Было и так, что стихотворение “Береза”, до этого опубликованное в газете “Правда”, выбрасывалось из рукописи примерно с теми же мотивировками. Таким же образом пытались изъять и стихотворение “Доброта”:

В скороспелых сужденьях нелепый

Мчу сквозь жизнь, закусив удила.

Я из глины богами не леплен —

Меня мамка на свет родила.

Оттого-то в грохочущем голосе

Прорывается бабья грусть,

И любые людские горести

Врачевать своим сердцем берусь.

Не приемлю холодность вежливую.

Верю крепким пожатиям рук!

Лгут про то, что услугой медвежьей

Доброта обернется вдруг.

Я нескладен — подумаешь, важность!

Мне достаточно складной судьбы,

А фигуры моей угловатость —

От углов деревенской избы.

Помню, как возмущался Саша, — и быстро уходил, начиная жалеть людей, которые не понимали настоящей поэзии и слепо верили, что ложь и полуправда в литературе — это навсегда. Приспособливаться к фальши Саша не умел и не мог, потому и мучался, а иногда и терял контроль. Таким он был в жизни, таким остался в своей поэзии. Нет в ней благополучия, которому вообще не должно быть места в настоящей литературе.

Буквально с нежностью относился Саша к Ростову и ростовцам. Не озлобила его даже трагическая гибель отца — очень близкого ему человека, вернувшегося из фашистского концлагеря с тетрадкой собственных стихов (может, из этой тетрадки и проросла Сашина любовь к поэзии?). “Островком детства” назвал поэт Ростов Великий в одном из своих стихотворений. Неоднократно возвращался он в стихах к знаменитым ростовским колоколам, звоны которых стали как бы музыкальным сопровождением его гражданской поэзии, в “громкоголосьи колокольном” прорывался и его голос. Но не только любовование звучало в этих стихах — в них была и тревога:

Так пусть с меня рубанком ругни

Снимают сегодня за стружкой стружку.

Я былым звонарям сродни —

Не превращайте звонницу в побрякушку!

В Ростове стихи Саши Гаврилова вспоминаются естественно и легко, как слова душевной песни, когда услышишь знакомую мелодию. К его “ростовским” стихам я отношу все стихи о детстве и о матери, которой Саша посвятил, пожалуй, самые проникновенные и сердечные строки:

Ну что ты смотришь, вновь вздыхая?

Я выбрал путь — не повернешь.

Не навсегда, поверь, родная,

Перечеркнул дороги дождь!

Дождь на земле залижет раны,

И снег на них падет, скользя...

А на кресте оконной рамы

Твои распяты глаза.

Несколько лет тому назад в Ростове уже поднимался вопрос, каким-то образом увековечить память Александра Гаврилова. Но сразу нашлись противники, по мнению которых он “не дотягивает” до такой чести: и написал не так уж много, и пошумел в своей жизни немало. Больше всего меня поразило, что среди этих людей оказались те, кто претендует на свою причастность к литературе. Но неужели в Ростове мало настоящих любителей поэзии, понимающих, что почетные звания и толстенные “кирпичи” избранных произведений отнюдь не обязательны для истинного поэта?

Пусть поздно, но поняли же это с Николаем Рубцовым! К стати, их пути пересеклись в Литературном институте. Почему бы им не оказаться рядом и в нашей памяти? Ведь и в Вологде были люди, всячески противившиеся посмертной известности Рубцова, отказывавшие ему в признательности. Почему в наше время, когда мы возвращаем из забвения имена поэтов, которые покинули Родину, не увековечить память о тех, кто до конца любил свой “светлый край” и запечатлел его в своей поэзии? Не надо бояться оскорбить чувства обывателей — они всегда были самыми последовательными и непримиримыми врагами поэтов, потому что вообще не понимают, зачем нужна поэзия, если от нее нет ни сытости, ни удобства. Думаю, в Ростове таких найдется не так уж много, а больше тех, кто как следует просто не знает творчества своего земляка.

В Рыбинске регулярно проводятся мероприятия, посвященные памяти местного поэта Николая Якушева, с которым, к моему счастью, я тоже был знаком, несколько раз принимал участие в этих поэтических вечерах. Почему бы эту добрую традицию не перенять ростовцам — и таким же образом сохранить в сердцах память об Александре Гаврилове? Для понимания того, что это был талантливый поэт, достаточно прочитать только несколько приведенных в этом сборнике стихотворений. Любителям настоящей поэзии других доказательств не надо...

Б. Сударушкин